

За пределами Шелкового пути

Мир не движется к китаецентричному порядку, он (снова) становится евразийским

Трансатлантически доминировавшая мировая экономическая система и либеральное мироустройство переживают в настоящее время глубинную трансформацию, сравнимую с революцией Коперника. После обнародования инициативы Китая «Шелковый путь» и избрания Дональда Трампа президентом США на Западе и в Европе больше не спорят, будет ли следующее столетие китайским, ведутся дискуссии только о том, как это затронет Европу и Запад. Таким образом завершается длящаяся 500 лет доминантность западной мировой экономической системы и почти 70-летнее господствующее положение либерального мирового порядка под руководством США, и Китай снова становится в эпицентр мировой системы.

Данный факт, воспринимаемый как исторический поворотный момент для Запада, в действительности является возвратом к норме. Тем не менее эта норма – не просто возврат к китаецентричному миропорядку, в центре современной трансформации находится в большей мере начало восстановления евразийской мировой экономической системы и евразийского мирового порядка. Мир, который отличается образованием современных коммерческих, инфраструктурных и индустриальных сетевых структур Евразии, становится по своей форме похожим, собственно говоря, на первую глобализированную мировую систему перед восхождением Европы в XV веке.

Эта система не была консолидированной ни китаецентрично, ни политически – если не учитывать кратковременного монгольского господства – а также не была объединенной из-за наличия лишь слабых и скудных международных транзитных связей. По большей части это была в равной степени геополитически фрагментированная и полицентрическая, экономически сетевая и инфраструктурно разветвленная система. Ее главными акторами были как оседлые, так и кочевые империи, а также приватные торговцы. Эти империи не были четко разграничиваемыми одно от другого национальными

государствами, как в вестфальской системе, а крупными взаимосвязанными территориями, с плавающими границами, перекрывающимися сферами влияния и разнообразными представлениями о порядке. За пределами этих громадных имперских территорий двигались частные торговцы по хорошо построенной сети городов и портов, образующих центральные узловые пункты для внутреннего сетевого структурирования всех евразийских субрегионов. Осмотическое взаимоотношение между оседлыми империями и центральноазиатскими «канатами» было одновременно гарантом и угрозой для системы. Но все же это был диффузный и устойчивый рост экономики, который обеспечивал возникновение независимого от политических конфликтов механизма спроса и предложения.

BRI – это не просто план осуществления гегемонии Китая, а стратегический ответ на структурные внутривнутриполитические и континентальные изменения, выходящие далеко за пределы Китая

Бруно Масаиш недавно высказал мысль о том, что Шелковый путь в действительности никогда не был глубокой сетевой структурой и что малые торговые объемы, которые реализовывались между Азией и Европой, транспортировались только через промежуточные станции. Поэтому нынешняя связь с Шелковым путем является скорее случаем «изобретения прошлого». И в самом деле верно, что никто из торговцев не проходил целиком весь маршрут из Азии в Европу. Однако с сегодняшней точки зрения намного интереснее то, что это им было вовсе и не надо. С одной стороны, логистическая цепочка была сложной и фрагментированной, а маршруты были опасными, но перегрузки в промежуточных пунктах были оптимизированы благодаря выросшей на протяжении столетий и хорошо отлаженной практике, в то время как рудиментарная, но эффективная система страхования грузов предлагала гарантию против потери или хищения товаров.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что Европа ни в коем случае не была единственным рынком сбыта. Зачастую для товаров определялись другие региональные рынки, или речь шла о первых рудиментарных формах интраиндустриальной торговли, как в случае торговли шелком-сырцом и переработанным шелком между Парфией и династией Хань. По этой причине наряду с китайскими существовали, в частности, индийские, персидские, юго-восточно-

азиатские, центрально-азиатские, арабские торговцы, которые выступали в контакте друг с другом задолго до того, как европейцы начали принимать участие в этой системе.

Фактически эта система представляла собой нечто большее, чем просто объединение Китая и Европы – она связывала Китай, Индию, Юго-Восточную Азию, Западную Азию, Средний Восток, Центральную Азию, части России, Восточное Средиземноморье и Восточную Европу с помощью сети морских и континентальных путей. Они ни в коем случае не были разобщенными, но в большей мере пространственно-взаимодополняющими и обеспечивали гибкость логистики. Поэтому несмотря на географические препятствия большие пространства Индийского океана и континентальной Евразии были между собой связаны больше, чем в период после XV века и в эпоху колониализма.

*Интегрированная
евразийская система
никогда не приводила к
унифицированному
политическому порядку.
Войны, распады и
разрушения не были
препятствиями для
торговли и обмена.*

Интегрированная евразийская система никогда не приводила к унифицированному политическому порядку, но чаще всего – к взаимопроникающим, но разным представлениям о порядке. Система была менее стабильной, чем вестфальский порядок, опиравшийся на национальные территориальные государства, или чем законнический либеральный порядок XIX-XX столетий. Такое состояние знаменовалось не только войнами, распадом и разрушениями. Эти факторы ни в коем случае не были препятствиями для торговли и обмена. Но это означало также, что Китай никогда не был единственным гегемоном в данной системе.

Сегодня, в начале XXI века, глобализация, базируемая на правилах и не привязанная к пространству, сменяется новым фрагментированным экономическим регионализмом, в котором полюса власти – вследствие дигитализации и возрастающего охвата инфраструктурной сетью цепочек создания ценностей и логистических цепочек – дефинируются через интегрирующиеся экономические пространства и рынки, а также через призму собственных представлений о порядке. Теперь этот новый мировой порядок определяют не только национальные государства, но и такие крупные мультинациональные державы с масштабной пространственной экспансией, как Россия, Китай, Иран, Турция, Индия. Данный процесс нигде больше не наблюдается, кроме как на

самом большом пространстве мира – в Евразии.

На этой основе инициатива Шелкового пути (BRI, Belt and Road Initiative, «Один пояс – один путь») функционирует в первую очередь как драйвер экономических, политических и внешнеполитических великодержавных амбиций Китая. Однако она также действует в качестве потенциального катализатора для разработки новых рынков и становления субрегиональных полюсов роста в Центральной Азии, Юго-Западных и Юго-Восточных странах, а также в Восточной Европе. Тем не менее процесс экономической сопрягаемости коренится скорее в долговременных трендах, возникновение которых частично приходится на годы, предшествующие инициативе BRI. Поэтому BRI – это не просто план осуществления гегемонии Китая, а в большей мере стратегический ответ на структурные внутривнутриполитические и континентальные изменения и вызовы, выходящие далеко за пределы Китая.

По меньшей мере с начала кризиса 2008 года Евразия в самом деле тесно сращивается с точки зрения экономической, торговой и транспортной политики, а также политики безопасности, так что функциональное деление на разобщенные между собой регионы является точно таким же несвоевременным, как фокусирование на стратегиях отдельных великих держав, как, например, Китай и Россия. Новый порядок Евразии осуществляется фактически опять трансрегионально, вдоль осей Восток – Запад и Север – Юг.

В этом контексте проявляются три геоэкономических и геополитических мегатренда, которые имеют экстремальную стратегическую релевантность для Европы и Германии: во-первых, возникающее вследствие дигитализации логистических и производственных цепочек укорачивание путей поставки и создания стоимостей, которое приводит к усилению значимости региональных полюсов роста в Евразии; во-вторых, обусловленное этим возникновение новых полюсов власти и экономики, в частности, вдоль южного пояса Евразии, а также их усиленное включение в сеть с континентальным центрально-азиатским пространством, в том числе и с его помощью; и, в-третьих, возрастающая геополитическая конкуренция между разнообразными интеграционными инициативами и державами.

Эффекты первых двух трендов уже проявляются в виде возрастающей концентрации среднего класса, производственных предприятий и промышленных кластеров не только в регионах, примыкающих к Китаю, но также и в таких странах, как Турция,

Иран и Индия. В этих странах, которые исторически формировались маритимной географией и прибрежной экономикой, регионы побережья и примыкающие регионы срачивались медленно, но по возражающей. Однако такое развитие драматически изменяет также функциональную роль и экономическую ориентацию континентальных стран и регионов. Поэтому такие изолированные до сих пор страны, как, например, страны постсоветского пространства, снова становятся включенными в сеть переходными пространствами в полицентрической системе. В частности, Центральная Азия из изолированной сердцевины континента становится сетевой периферией в регионе Индийского и Тихого океанов.

*Китай больше не будет
единственным драйвером
процесса евразийской
интеграции*

Третий геополитический тренд состоит в том, что Китай больше не будет единственным драйвером этого процесса. Такие инициативы, как российский ЕАЭС (Евразийский экономический союз), индийское «Идти на Запад» (Go-West), японское «Наступление инфраструктуры», казахстанский «Светлый путь» («Нурлы жол») или концепция собственного Шелкового пути Турции, дополняют китайскую инициативу и одновременно с этим эксплицитно конкурируют с ней. В то время как эти страны наряду с Китаем осуществляют восхождение в дополнительные драйверы евразийской интеграции, это будет вести также к возрастанию конфликтов и напряжений по поводу присоединения и доступа к таким переходным пространствам, как Восточно-Центральная Европа, Средний Восток, Центральная Азия и Юго-Восточная Азия. Неслучайно исключительно эти регионы уже попали в центр политической нестабильности или характеризуются распадом региональных структур порядка.

Исходя из этого, для Германии и Европы представляется тем более важным не только готовиться к восхождению Китая, но и с упреждением и гибкостью быть готовым к восхождению евразийского порядка. Как перед восхождением Европы, этот порядок несет в себе кооперацию и конкуренцию, нестабильность и торговую интеграцию не в качестве взаимоисключающих

противоречий, но в виде параллельно существующих реалий. Следует признать, что эта констелляция для Европы и Запада не только нова, но также непредсказуема и опасна. Во времена, когда трансатлантические отношения обнаруживают отчетливые трещины и требуют фундаментального переосмысления, Германия и Европа на самом деле нуждаются меньше в одной лишь стратегии в области Центральной Азии или Азии. В большей мере здесь требуется благоразумная, гибкая и дифференцированная евразийская стратегия. Она должна выходить за рамки отношений с Россией и Китаем и упреждающе принимать также в расчет инфраструктурную и экономическую проблематику Центральной Азии и стран южного евразийского пояса от Турции и Ирана вплоть до Индии и Японии.

*Данная статья написана на основе недавно изданной книги *Beyond Energy-Trade and Transport in a reconnectign Eurasia* (Издательство Springer Verlag, 2018).*

Джакопо Мария Пепе

Берлин

Д-р Джакопо Мария Пепе (Jacopo Maria Pepe) является адъюнкт-профессором Университета им. Джонса Хопкинса и научным сотрудником центра им. Роберта Боша в Германском совете по внешней политике (DGAP, Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V.).

